

В. С. СОБОЛЕВ

«СОДЕЙСТВОВАТЬ НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ...» (из истории Московского общества для изучения и разработки истории науки)

В мае 1920 г. московским сообществом ученых была предпринята попытка организационного оформления историко-научных исследований путем создания Московского общества для изучения и разработки истории науки. В состав учредителей нового общества вошли весьма достойные и авторитетные московские ученые: физик П. П. Лазарев, филолог Н. И. Новосадский, астрофизик В. В. Стратонов, химик А. Е. Чичибабин, философ Г. Г. Шпет и др. Впоследствии некоторые из них вошли в состав известной академической Комиссии по истории знаний и вели в ней активную научно-исследовательскую работу. В данной статье, подготовленной на основе недавно выявленных в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН документов о собрании ученых-учредителей, проводится анализ этого важного для «истории истории науки» сюжета.

Ключевые слова: Московское общество для изучения и разработки истории науки, история отечественной науки, организация историко-научных исследований, документы Архива РАН.

Первые годы после Октябрьской революции 1917 г. характеризуются резким ростом творческой активности и инициативы различных слоев населения. С одной стороны, это было обусловлено тем, что значительная часть российской интеллигенции с победой революции связывала реализацию своих давних чаяний о свободе творчества, широком просвещении народных масс и т. д. С другой, – советская власть активно поддерживала подобные устремления интеллигенции, как и тягу народных масс к просвещению и культуре. Уже осенью 1918 г. Наркомпросом были зарегистрированы 308 новых общественных научно-просветительских организаций, из которых 176 являлись обществами ¹.

Организационный бум не миновал и область истории науки – например, в 1921 г. была организована академическая Комиссия по истории знаний (КИЗ). Однако были и другие попытки организационного оформления историко-научных исследований в России, о которых вплоть до настоящего времени не

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 236. Л. 1–18.

было ничего известно. Речь идет об инициативе ряда ученых по созданию в 1920 г. Московского общества для изучения и разработки истории науки. Истории этой инициативы и посвящена данная статья.

Первым шагом к организации нового общества стали два собрания представителей московской научной общественности в апреле 1920 г. в помещении Физического института Общества Московского института в память 19 февраля 1861 года, целью которых было создание нового общества исторического профиля. На втором собрании, проходившем 24 апреля, оформилась группа ученых, которым были делегированы права учредителей нового Московского общества для изучения и разработки истории науки.

В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН нами были выявлены документы первого собрания учредителей этого общества, проходившего 8 мая 1920 г. В нем приняли участие 11 известных московских ученых. Это протокол собрания и проект устава нового общества ². Протокол представляет собой рукопись на двух листах большого формата (35,5 × 22 см), исписанных с обеих сторон карандашом очень мелким, «бисерным» почерком, сложным для прочтения. Проект устава – это восемь листов такого же формата, но уже машинописного текста.

Среди учредителей были весьма достойные и авторитетные ученые: физик, академик П. П. Лазарев; химик А. Е. Чичибабин, ставший академиком в 1929 г.; филолог, член-корреспондент АН Н. И. Новосадский; математик Н. Н. Лузин, избранный в 1927 г. членом-корреспондентом АН, а в 1929 г. – академиком; физиохимик А. В. Раковский, в 1933 г. избранный членом-корреспондентом АН; историк Д. М. Петрушевский, ставший в 1924 г. членом-корреспондентом АН, а в 1929 г. – академиком; астрофизик В. В. Стратонов, декан физико-математического факультета 1-го МГУ; философ Г. Г. Шпет, в 1924 г. ставший вице-президентом Российской академии художественных наук, и др. Полагаем, что не случайным являлся и тот факт, что при отборе учредителей был соблюден и принцип пропорционального представительства – среди «отцов-основателей» оказались ученые разных специальностей, причем равномерно оказались представлены и точные, и гуманитарные науки. И наконец, это, скорее всего, были ученые, искренне считавшие актуальным и важным осуществление организационного оформления историко-научных исследований.

Председательствовал на собрании 8 мая 1920 г. Лазарев, а секретарем был избран профессор 1-го МГУ А. И. Бачинский.

Теперь попытаемся вкратце отразить основные моменты проходившего тогда обсуждения и результаты этого собрания. В начале его Лазарев предложил еще раз обсудить вопрос «о потребности в учреждении общества, преследующего те цели, какие были намечены на собраниях 15 и 24 апреля» ³. Собравшиеся были единодушны – в протокол было занесено мнение, сформулированное Новосадским, о том, что «русская наука испытывает особую

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Разряд (далее Р.) IV. Оп. 1. Д. 1101. Л. 1–16.

³ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 1101. Л. 1.

нужду в организации подобного рода»⁴. Любопытную мысль высказал и сам председатель собрания: резюмируя результаты обсуждения первого вопроса, он отметил, что

исследователями истории русской физики установлено, что весьма много новых идей и открытий появлялись на свет в России, но бывали забыты здесь и всеми считаются в настоящее время за достижения науки иностранной⁵.

Оживленную полемику вызвало обсуждение главного вопроса собрания – о целях и задачах общества. При этом довольно четко определились две основные точки зрения. Приверженцы первой считали, что общество, занимаясь вопросами истории науки, должно также всячески содействовать проводимой в России научно-исследовательской работе. Достаточно определенно взгляды данной группы собравшихся были отражены в выступлениях Стратонова. Он, в частности, сказал:

Обществу не следует отгораживаться стеною от возможной научной работы по изысканию новых конкретных научных фактов [...] цель общества – содействие научному исследованию вообще⁶.

Мнение сторонников второй точки зрения, пожалуй, яснее всего выразил Чичибабин, который предложил «Обществу сосредоточиться на историческом изучении науки, а не выходить на шаткую дорогу научной работы в общем смысле»⁷.

Во время дискуссии по этому вопросу высказывались и «промежуточные» мнения. Так, представляет интерес суждение Лазарева о том, что

в интересах чисто исторических существование при обществе лабораторий может составить необходимость (например, если бы пришлось исследовать состояние химических знаний в допетровское время, то явилась бы надобность в целом ряде анализов)⁸.

В протоколе собрания было зафиксировано более 30 выступлений по данному вопросу. В результате полемики учеными был все-таки достигнут консенсус. Всех собравшихся устроила «формула», предложенная Шпетом:

Цель общества заключается в изучении и разработке истории наук и их методов, а равно в содействии всякому научному исследованию, проводимому в свете истории наук⁹.

Лазарев резюмировал результаты всего этого обсуждения следующим образом: «Основная цель общества – широкое историческое изучение науки»¹⁰.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же.

Третьим на собрании обсуждался вопрос «О средствах общества». После небольшой полемики было принято решение о том, что

ввиду специфической цели общества, не имеющей аналогий, следует добиваться принятия его на полное иждивение государства (вместо простого субсидирования) ¹¹.

Правда, Лазаревым было высказано опасение, что «общество, находящееся на иждивении государства, может подвергнуться нежелательному вмешательству в его внутреннюю жизнь» ¹². Однако оно было решительно отвергнуто Стратоновым, заявившим, что «фактов подобного вмешательства не наблюдается; средства отпускаются в широком размере без всяких стеснений свободы» ¹³.

У Стратонова в тот момент были известные основания для подобного оптимизма. Действительно, на первых порах даже в условиях Гражданской войны Советское государство осуществляло финансирование деятельности научных учреждений, выдавало субсидии научным обществам и пр. Вообще, советская власть широко декларировала свое стремление всячески содействовать развитию просвещения и науки в стране. Но вся эта ее достаточно масштабная деятельность базировалась на экономических принципах политики военного коммунизма, в рамках которой осуществлялось сугубо административно-командное распределение всех материальных ресурсов в стране. Кроме того, «проедались» остатки запасов еще царской России.

С введением новой экономической политики резко сократилась доходная часть государственного бюджета, соответственно, так же резко уменьшилась и возможность волевого, командного распределения и финансовых средств, и материальных благ. К тому же к этому времени уже в полной мере начали сказываться результаты губительных «экспериментов» периода военного коммунизма.

Так, к 1 апреля 1922 г. в стране было зафиксировано сокращение числа школ на 10,6%, а количество учащихся сократилось на 17,6% ¹⁴. Количество научных учреждений, подведомственных Главнауке Наркомпроса (т. е. получавших бюджетное финансирование), в течение 1923–1924 гг. сократилось с 394 до 210 (сюда входили и все научные общества) ¹⁵.

Упомянутое Стратоновым отсутствие «всяких стеснений свободы» также, как показал ход истории, было временным. В момент проведения собрания учредителей (май 1920 г.) еще полным ходом шла Гражданская война, и у советской власти просто руки не доходили до «руководства» научными организациями. Ситуация довольно быстро изменилась после завершения войны. По иронии судьбы сам Стратонов стал одним из главных организаторов в 1921 г. забастовки профессоров 1-го МГУ «против вмешательства властей в

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Сб. документов / Отв. ред. В. А. Куманев. М., 1984. Т. 1. Ч. 2. С. 35.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 467. Л. 14–14 об.

деятельность университета», а в 1922 г. был выслан из СССР вместе со многими другими демократически настроенными учеными и деятелями культуры.

Как отмечалось выше, на собрании учредителей обсуждался и проект устава нового общества, составленный Бачинским. Собравшимися было принято решение, взяв предложенный проект «за основу», в короткие сроки провести его доработку.

Параграф 1 проекта гласил:

Цель общества заключается в изучении и разработке истории наук и их методов, а равно в содействии всякому научному исследованию, производимому в свете истории наук ¹⁶.

Во втором разделе проекта говорилось о деятельности общества. Кроме таких традиционных для научных обществ форм работы, как «устройство собраний», «организация курсов», «издание ученых сочинений» и др., проектом предусматривались и достаточно основательные и, мягко говоря, непростые функции: «организация при Обществе лабораторий, музеев, библиотек», «поддержка деятельности других обществ, имеющих аналогичные цели» и др. ¹⁷ Как видно, проект отражал эйфорию и пафос, характерные для начального этапа революции, когда размах и «громадые планы» завладели сердцами и умами миллионов граждан России, когда многие как-то забыли об одной «мелочи» – за все надо платить. Отметим важную, на наш взгляд, сентенцию, которая «венчала» описание всех форм и методов будущей деятельности общества: «Особое внимание обществом уделяется русской науке и ее истории» ¹⁸.

Рамки настоящей статьи не позволяют более подробно рассказать о проекте устава общества. Приведем только текст еще одного уставного параграфа «О членстве в обществе». Он гласил следующее:

В члены общества избираются ученые, которые не только приобрели значительную известность своими исследованиями, но также проявили особый интерес к вопросам научной методологии и истории научных систем ¹⁹.

В конце собрания его участники решили следующее заседание учредителей общества «провести в субботу, 22 мая, в 1 час дня, в том же помещении».

К сожалению, других документов по истории Московского общества для изучения и разработки истории науки выявить пока не удалось.

Здесь уместным будет вспомнить о том, что в Петрограде в это же время научным сообществом также предпринимались попытки организационного оформления историко-научных исследований. Эти попытки увенчались вполне конкретным и значимым результатом. Мы имеем в виду организацию и успешную деятельность академической Комиссии по истории знаний (КИЗ).

¹⁶ СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 1101. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Думается, что для подобного успеха в то время были весомые предпосылки. Петроград продолжал оставаться признанным центром отечественной академической науки. Соответственно, здесь были сосредоточены необходимые научные кадры; имелись большие возможности для получения бюджетного финансирования на организацию научно-исследовательской работы; существовала издательская база (в том числе и известная академическая типография) и др.

В 1920-е гг. историко-научные исследования проводились совместными усилиями и петроградских (ленинградских), и московских ученых под эгидой Академии наук и в рамках КИЗ.

Отметим, что на первом же организационном заседании КИЗ, проходившем в Петрограде 11 июня 1921 г. под председательством академика В. И. Вернадского, было принято следующее решение: «Просить академика П. П. Лазарева из московских членов комиссии составить ее московское отделение»²⁰.

Видимо, вопрос этот тогда дальнейшего своего развития не получил, и московское отделение КИЗ по каким-то причинам организационно оформлено не было. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Лазарев вновь поставил вопрос о создании московского отделения КИЗ, но уже в начале 1928 г. В своем письме к председателю КИЗ Вернадскому от 4 января 1928 г. он писал по этому поводу:

Ряд ученых Москвы (физиков, химиков, историков) выразили желание иметь в Москве отделение Комиссии по истории знаний. Признавая это начинание весьма интересным и важным для связи ученых Москвы и Ленинграда, я вношу предложение в президиум комиссии об организации ее московского отделения²¹.

В связи с этим следует сказать и о том, что из упомянутых в нашей статье одиннадцати учредителей общества шестеро являлись членами академической КИЗ²², это были Лазарев, Лузин, Новосадский, Петрушевский, Раковский, Чичибабин.

Полагаем, что обнаруженные нами архивные источники о предпринятой в 1920 г. попытке создания Московского общества для изучения и разработки истории науки являются довольно интересной страницей истории организации в России историко-научных исследований. Возможно, в будущем историкам науки удастся найти в московских архивах новые материалы по истории этого общества.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 27. Л. 67.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 12. Л. 3

²² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 27. Л. 120–121; Ф. 154. Оп. 1. Д. 32. Л. 4–5 об.